

ры знаний основные разряды: предметное – метапредметное (специальное и пр.), эмпирическое – надэмпирическое, частно- и общетеоретическое в пределах дисциплины, интертеоретическое (общетеоретическое междисциплинарное) знание.

Список использованных источников

1. *Нестерович Ю. В.* Отношение семантического и герменевтического в метафилософии / Ю. В. Нестерович // *Философы XX века.* Ганс – Георг Гадамер: материалы респ. чтений – 5, 11 мая 2000 г. / Ю. В. Нестерович. – Минск, 2002. – С. 50–53.
2. *Нестерович Ю. В.* Экспликация понятия философии в рамках метафилософии / Ю. В. Нестерович // *Философы XX века.* Хосе Ортега-и-Гассет: респ. чтения – 9, Минск, 28 янв. 2004 г. / Ю. В. Нестерович. – Минск. 2004. – С. 22–25.
3. *Лукашевич В. К.* Основы методологии научных исследований: учеб. пособие / В. К. Лукашевич. – Минск: ООО «Элайда», 2001. – 104 с.
4. *Лебедев С. А.* Предмет и структура технических и технологических наук / С. А. Лебедев // *Философия математики и технических наук: учеб. пособие / С. А. Лебедев, Н. М. Твердынин; под общ. ред. С. А. Лебедев.* – М.: Академ. проект, 2006. – С. 497–533.
5. *Несцяровіч Ю. У.* Тэарэтычныя праблемы гістарыяграфіі, метадалогіі гісторыі, навуказнаўства і этналогіі / Ю. У. Несцяровіч. – Мінск: БелНДДАС, 2004. – 162 с.
6. *Яскевич Я. С.* Философия и методология науки: учеб. пособие / Я. С. Яскевич, В. К. Лукашевич. – Минск: БГЭУ, 2009. – 475 с.
7. *Лебедев С. А.* Философия науки: учеб. пособие / С. А. Лебедев. – М.: Академ. проект, 2010. – 731 с.
8. *Лебедев С. А.* Уровни научного знания / С. А. Лебедев // *Вопросы философии.* – 2010. – № 1. – С. 62–75.
9. *Лебедев С. А.* Структура научной рациональности / С. А. Лебедев // *Вопросы философии.* – 2017. – № 5. – С. 66–79.

(Дата подачи: 07.12.2018 г.)

О. Л. Познякова

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

O. Poznjakova

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 130.2,141.319.8, 101.1:316

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРАМЫ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF DRAMA IN SOCIAL-PHILOSOPHICAL RESEARCH

В статье эксплицируется методологический потенциал драмы в современном социально-философском исследовании. Показано, что теоретическая реконструкция модели драмы позволяет говорить о драматическом подходе в исследовании и объяснении общества, а морфологический анализ структуры раскрывает ее методологический потенциал для изучения кризисных ситуаций в социуме.

Ключевые слова: драма; социальная драматизация; драматический подход; драматизация социальной действительности.

The article reveals the methodological potential of drama in modern social and philosophical research. It is shown that the theoretical reconstruction of drama model suggests a dramatic approach to the study and explanation of society, and the morphological analysis of drama structure reveals its methodological potential for studying the phenomenon of social crisis.

Keywords: drama; social dramatization; drama approach; dramatization of social reality.

Современное европейское общество, в том числе и белорусское государство, вынуждено приспосабливаться к жизни в условиях постоянного кризиса. Сам факт стремительных изменений свидетельствует о том, что кризисные явления во всех без исключения сферах социальной жизни стали сущностной и неотъемлемой чертой общественного бытия. В связи с этим интерес к теме социума со стороны мыслителей XXI века предполагает обращение к таким подходам в изучении закономерностей развития общества, которые оказываются чрезвычайно важными как для анализа современной ситуации, так и для выявления продуктивных стратегий осмысления и разрешения конфликтов локального и глобального масштабов в будущем.

В данной статье эксплицируется *методологический потенциал драмы* в современном социально-философском исследовании. Автор предлагает использовать понятие «драма» в качестве фундаментальной универсалии культуры, которая отражает противоречивость процессов культурно-цивилизационного развития. Характерно, что еще русский философ А. Ф. Лосев, исследуя специфику древнегреческой драмы как культурного феномена, обращал внимание на то, что «сама драма отражает социальную реальность в ее противоречивом развитии» [1, с. 157].

Кроме того, следует отметить, что такие понятия, как «социальная драма», «социальная драматизация», в отечественной социально-философской мысли до сих пор не вошли в обиход. Обоснование данных концептов на метапредметном уровне и введение их в качестве категорий социально-философского анализа составляет элемент новизны предполагаемого исследования.

Итак, традиционно понятие драмы рассматривается в эстетическом, культурологическом, филологическом, искусствоведческом, литературоведческом контекстах с целью более детального изучения ее сущности, специфики, формы и содержания на различных этапах исторического эволюционирования. Исследователей, как правило, интересуют проблемы, связанные с выявлением родовых литературных отличий драмы от эпоса и лирики; трудности при выявлении содержательно-жанрового своеобразия трагедии, драмы и комедии; состояние указанных проблем в истории мировой эстетической и литературоведческой мысли и т. п. Характерно, что драма всегда была объектом исследования прикладных, узкопрофильных дисциплин в сфере искусства и никогда не становилась предметом метатеоретического уровня исследования. Иными словами, драма никогда не вы-

ступала в качестве философской категории, в качестве методологического инструментария анализа макроструктурных процессов в обществе.

В истории мысли отмечены попытки воспользоваться театральной терминологией в приложении к описанию человеческих взаимоотношений. Так, римский писатель Гай Петроний в драматургическом по сути афоризме отразил специфику социальных взаимодействий. Его строка «Mundus univ ersus exercet histrioniam» в буквальном переводе с латинского языка означает – «Весь мир занимается лицедейством». Вильям Шекспир предложил использовать понятие «театр» в качестве метафоры, характеризующей сущность мира, в котором живет человек: «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль» [2, с. 47]. Необходимо подчеркнуть, что и Г. Петроний, и В. Шекспир имели непосредственное отношение к профессиональной деятельности драматурга, что давало им право использовать театральную терминологию для выражения собственных мировоззренческих установок.

Трансдисциплинарное использование драматургической терминологии становится возможно только к середине XX века, когда в практической социологии актуализируются исследования законов и ритуалов социального поведения людей. Так, Кеннет Берк (1897–1993) – американский писатель, журналист, философ, теоретик коммуникации, оказал влияние на становление и развитие *драматургической перспективы* в социологии. В своей трилогии «*Грамматика мотивов*» (1945), «*Риторика мотивов*» (1950), «*Язык как символическое действие*» (1966) он трактует социальное взаимодействие и коммуникацию в рамках пяти элементов: действие, сцена, деятель, средства и цель. По К. Берку, к большинству случаев социального взаимодействия и коммуникации следует подходить как к форме драмы, результаты которой определяются соотношением этих пяти элементов. Такая формула стала известна под названием «драматургическая пентада» и закрепилась в драматургическом методе, согласно которому отношения между жизнью и театром понимаются буквально, а не метафорически, – весь мир является сценой.

Идеи драматизма К. Берка, которые, в свою очередь, являются отсылкой к В. Шекспиру, оказали влияние на развитие мысли Ирвинга Гофмана (1922–1982), американского социолога канадского происхождения, последователя школы социальной философии американского прагматизма. В своей работе «Представление себя другим в повседневной жизни» [3] И. Гофман разрабатывает «*драматургический*», или «*театральный*» *подход в социологии*, анализируя «сценическую постановку» человеческих микровзаимодействий, приемы театрализации собственной деятельности и т. д. По мнению американского мыслителя, «если мы представляем себя в роли режиссёров, наблюдающих за тем, что происходит на сцене повседневной жизни, то мы проводим драматургический анализ, – изучение социальных взаимодействий, используя терминологию театрального представления» [4, с. 133].

Следует отметить, что адепты данного течения в теоретической социологии трактуют *социальное взаимодействие преимущественно как игру людских воображений друг о друге*. Человек непосредственно существует для другого человека лишь как воображаемая сущность, воздействующая на его разум. Взаимодействие происходит не столько между индивидами как субъектами, целостными неделимыми личностями, сколько между разными социальными ликами индивидов, как бы между изображаемыми ими персонажами. Подобную позицию Джордж Герберт Мид назвал «социальным солипсизмом». Более того, *в контексте такого анализа форм и ритуалов межличностного взаимодействия нет места действию моральному, поскольку все нацелено на решение прагматических задач, и свобода воли совпадает с необходимостью*. В связи с этим современный американский социолог Джон Уэлш в своей статье «Драматургический анализ и социальная критика» назвал теорию И. Гофмана «продуктом потребления» [5, с. 35].

И. Гофман не стремился построить теорию общества в целом, а сознательно анализировал особую микрореальность, возникающую только в социальных ситуациях, где участники находятся в физическом присутствии друг друга и имеют непосредственную возможность реагировать на действия других. Поэтому драматургический подход не способствует пониманию закономерностей в функционировании общества и не отвечает целям теоретической социологии. Для многих исследователей опыт И. Гофмана подрывает надежду на исполнение заветной мечты – построить мост между наблюдениями и обобщениями на уровне повседневных житейских ситуаций и историческими обобщениями макросоциологии. Причем построить не в форме интуитивных прозрений и поверхностных метафор, а в виде лестницы строгих понятий, включенных в общую теоретическую систему. По этой причине драматургический подход И. Гофмана крайне редко становился предметом изучения в российской социально-философской мысли. К примеру, в электронном каталоге Российской государственной библиотеки зафиксировано только две русскоязычные статьи на данную тему за последних двадцать лет [6; 7]. В отечественной философии за указанный период времени интерес к социальной драматургии не выявлен.

Так что же такое драма в контексте социально-философского исследования и насколько правомерно с теоретико-методологической точки зрения использовать данное понятие для описания сущности и специфики конфликтов, протекающих в обществе?

Автор данной статьи в своих рассуждениях предлагает пойти дальше микросоциологической драматургии И. Гофмана. А именно рассмотреть драму не как метафору для описания микрокосма, в котором живет человек, а как модель или алгоритм разрешения конфликта, реально протекающего в обществе.

Важно отметить, что понятие «драма» в переводе с древнегреческого языка означает «действие» и рассматривается как один из трех родов художественной литературы (наряду с эпосом и лирикой) [8, с. 159]. Аристотель определял драму как «...подражание *действию*... посредством действия, а не рассказа» [9, с. 652]. Согласно М. Горькому, «драма должна быть строго и насквозь *действенна*» [8, с. 160]. *Действие*, происходящее в драме, – это прежде всего *конфликт* мотивов, поступков, интересов, взглядов. В драме действие разворачивается только в том случае, когда есть противоречие – ядро драматического произведения.

Не следует путать драму как род литературы и драму как жанр. К драме как литературному роду так или иначе относится любой литературный жанр, построенный в диалогической форме, в том числе комедия, трагедия, драма, водевиль, фарс и т. д. Необходимо подчеркнуть, что именно родовые, а не жанровые характеристики драмы носят универсальный, онтологический характер и позволяют говорить о возможности использования драматического подхода для анализа конфликтных процессов в обществе.

Далее термин «драматизация» является производным от слова «драма» и характеризуется *действием*, отражающим *противоречия и конфликты*. Драматизировать процесс общественной жизни – значит придавать этому процессу драматическую форму с ярко выраженным конфликтным, противоречивым началом, выражающим себя в столкновении разнополярных интересов людей. Иными словами, *социальная драматизация* – это совокупность явлений или взаимодействий, происходящих в обществе по инвариантным законам драматургии и меняющих отношения между людьми или между составными элементами сообщества. Важнейшими чертами социальной драматизации является их всеобщность и связь с субъектом, который осуществляет этот процесс (драматизация деятельности с определенными установками субъекта).

Учитывая все сказанное выше, становится возможным эксплицировать разницу между драматическим подходом, разрабатываемым автором статьи, и драматургическим подходом И. Гофмана. Так, драматургический подход этимологически связан с понятием «драматургия», т. е. «теория драмы, теория действия», и основан на принципе зеркального отражения внешней поведенческой реакции человека на конкретные обстоятельства. Данный подход является своеобразным рецептом достижения желаемого от окружающего мира, что в целом характерно для школы американского прагматизма. Что касается драматического подхода, то он связан с понятием «драма», и в основе него, если следовать определению драмы по Аристотелю, лежит принцип отражения *действия через конфликт*, сущность которого – в противоречии, в столкновении интересов. Таким образом, **драматический подход** в социальной философии – это совокупность приемов теоретической реконструкции модели драмы и драматического моделирования конфликта в исследовании и объяснении общества, объединенных принципом

драматизации социальной действительности. *Принцип драматизации социальной действительности* – это исходное положение драматического подхода, основанное на рассмотрении социальных процессов сквозь призму модели драмы как алгоритма разрешения конфликта.

Драматическое моделирование конфликта – это прием в рамках драматического подхода, который позволяет смоделировать социальный конфликт по принципу драматизации социальной действительности.

Теоретическая реконструкция модели драмы – это прием, который позволяет в полной мере раскрыть методологический потенциал драмы в контексте социально-философского исследования. Так, реконструкция модели классической драмы включает в себя выявление основополагающего принципа построения и развития драматического произведения, его классической формы, структуры и стратегии вовлечения [10, с. 41–68]. Для данного исследования наибольший интерес в методологическом плане будет представлять структура драмы как алгоритма разрешения конфликта. Морфологический анализ структуры драмы позволяет выделить следующие обязательные, инвариантные компоненты, которые одновременно будут являться стадиями в алгоритме разрешения конфликта.

Первая стадия – предпосылка к конфликту. В классической драматургии она называется драматической ситуацией.

Вторая стадия – завязка. Здесь происходит определение сущности противоречия между потенциально конфликтующими сторонами, а также переход к открытому противостоянию интересов участников конфликта.

Третья стадия – методологический кризис, характеризующийся неудачной попыткой разрешения конфликта привычными способами, приемами и средствами, что приводит к усугублению противостояния интересов конфликтующих сторон. В классической драматургии данный этап носит название «первая петля».

Четвертая стадия – «точка невозврата». В драматургии ее называют «мидпойнт», поскольку здесь происходит выявление и осознание истинной, глубинной причины конфликта с учетом ранее скрытых факторов, что приводит к кризису мировоззрения участников противоборствующих сторон.

Пятая стадия – кризис мировоззрения или «вторая петля». Участники конфликта стремятся отыскать и применить максимально разрушительные средства противостояния с целью разрешения конфликта.

Шестая стадия – кульминация. Открытая схватка участников конфликта с целью утверждения интересов одной из сторон.

Седьмая стадия – развязка, в которой происходит либо конструктивное разрешение конфликта, приводящее к компромиссу интересов сторон, либо деструктивное, связанное с подавлением и подчинением воли и интересов одного из участников конфликта, либо гибель участников конфликта.

Рассмотрим пример того, как данная модель может работать на практике. Предположим, что предпосылкой к конфликту выступает противостоя-

ние между двумя идеологическими системами – социализмом и капитализмом. Тогда в завязке конфликта необходимо формулируется противоречие между потенциально конфликтующими сторонами – послевоенным СССР и США, происходит переход к открытому противостоянию интересов участников конфликта – опускается «холодный занавес». Суть противоречия заключается в отношении конфликтующих сторон к частной собственности, антагонизму классов, эксплуатации человека человеком, рабочей силе как товару и пр. Попытка разрешить конфликт привычным способом – сначала при помощи гонки вооружений, а затем при помощи активно развивающегося международного права не приводит к желаемым результатам. На фоне распада в 1991 году Советского Союза происходит мировоззренческий кризис у людей, связанный с выявлением истинной причины противодействия конфликтующих сторон. А именно, ограниченность природных ресурсов Северной Америки, что ставит под угрозу возможность процветания людей, переселившихся на данный континент. Открывается пятая стадия конфликта, когда участники стремятся отыскать и применить максимально разрушительные средства противостояния атаке потенциального противника. Начинается новая гонка вооружений высоко технологического, космического характера, политическая риторика при помощи интернета и СМИ также выступает средством борьбы конфликтующих сторон. Очевидно, что в кульминации нас ожидает открытое столкновение противников конфликта, а именно война. По мнению некоторых аналитиков, такое столкновение уже происходит на территории Сирии.

Седьмая стадия конфликта еще не наступила. Но мы знаем, что она приводит либо к конструктивному разрешению конфликта, компромиссу интересов сторон, либо к деструктивному – подавлению и подчинению воли и интересов одного из участников. Помимо этого, в эпоху ядерного вооружения актуальным становится гибель не только участников конфликта, но и всего человечества.

Таким образом, анализ кризисной ситуации с применением драматического подхода дает понимание того, что нас ждет в ближайшем будущем, и что еще можно сделать, чтобы избежать катастрофической развязки в виде гибели цивилизации. Теоретическая реконструкция модели драмы позволяет в целом говорить о драматическом подходе в исследовании и объяснении общества. Морфологический анализ структуры драмы раскрывает ее методологический потенциал для проведения социально-философского исследования. Так, выявляя или моделируя противоречие интересов в обществе, вычлняя его инвариантные структурные элементы в соответствии с моделью драмы, становится возможной корректировка направленности социального конфликта в сторону так называемого «катарсического глобализма» – глобального сообщества, вечного мира, избегая фрустрирующих сознание людей последствий, приводящих к социальным катастрофам.

Список использованных источников

1. Греческая трагедия / А. Ф. Лосев [и др.]. – М.: Учпедгиз, 1958. – 366 с.
2. Шекспир, В. Как вам это понравится / В. Шекспир. – М.: Изд. дом Мещерякова, 2017. – 120 с.
3. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
4. Sociology / L. Macionis [et al.]. – Toronto; Ontario: Pearson Canada Inc. – 2010. – P. 125–140.
5. Welsh, J. Dramaturgical Analysis and Societal Critique Piscataway / J. Welsh. – New Jersey: Transaction Publishers, 1990. – 68 p.
6. Вахштайн, В. С. Драматургическая теория И. Гофмана: два прочтения / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3, № 4. – С. 104–118.
7. Ильин, В. «Драматургия повседневности» / В. Ильин // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2003. – № 2. – С. 3–10.
8. Михайлов, М. И. Эпос, драма, лирика как роды литературы (сущность, специфика, соотношение): дис. ... докт. филол. наук / М. И. Михайлов. – М., 2006. – 302 с.
9. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. / Аристо-тель. – М., 1975–1983. – Т. 4. – С. 645–681.
10. Познякова, О. Л. Философия драмы: фрустрация vs. катарсис / О. Л. Познякова. – Минск: РИВШ, 2017. – 102 с.

(Дата подачи: 25.02.2019 г.)

Н. С. Клишевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

N. Klischevich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 008:316.733

ВСЯ НАША ЖИЗНЬ ИГРА: РЕФЛЕКСИЯ ПРЕВРАЩЕНИЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ В ИГРАЮЩЕГО

LIFE IS A GAME: REFLECTION ABOUT TURNING AN OBSERVER INTO A PLAYER

Феномен «игра» раскрывается с точки зрения наблюдателя и играющего. Игра становится новой творческой реальностью, претендующей на онтологический статус. В игре человек получает возможность самоконструирования и моделирования своего жизненного пространства, что позволяет задать иные стратегии понимания существования человека.

Ключевые слова: игра; язык как игровое пространство; герменевтика; онтология игры; Г.-Г. Гадамер.

The phenomenon of «game» is revealed in terms of the observer and the player. The game becomes a new creative reality claiming the ontological status. In the game a person gets an opportunity to design and to model his living space that allows to set other strategies for understanding of human existence.

Keywords: game; language as a gaming space; hermeneutics; game ontology; G. Gadamer.